

Кто не ужаснулся бы при мысли о необходимости повторить свое детство и не предпочел бы лучше умереть?

Блаженный Августин

В большинстве древних обществ обращение с детьми было крайне суровым, а по современным меркам - даже жесто-ким. Американский ученый Ллойд Демоз имел все основания начать свою статью «Эволюция детства» словами: «История детства - это кошмарный сон, от ко-торого мы только недавно начали пробуж-даться. Чем глубже уходишь в историю, тем ниже уровень ухода за детьми и тем чаще детей убивают, бросают, бьют, терроризируют и насилуют».

В результате плохого и небрежного ухода даже в XVII-XVIII веках в странах Западной Европы на первом году жизни умирали от одной пятой до одной трети всех новорожденных, а до 20 лет дожи-вали меньше половины.

Это не значит, что детей вообще не любили. Средневековые хроники, жития святых и личные документы эпохи Воз-рождения донесли до нас множество тро-гательных историй о ласковых матерях и заботливых воспитателях. Искренней любовью к детям и беспокойством за них наполнены, например, письма к сыну княгини Евдокии Урусовой, писанные ею из тюрьмы в 70-х годах XVII века: «Ох, мой любезный Васинька, не видишь ли моего лица плачевного и не слышишь моего рыдания слезного, не слышишь, как рыдает сердце мое а тебе и душа моя а тебе сокрушаетца&»

Однако это не было и не могло быть всеобщим правилом.

Высокая рождаемость и еще более высокая детская смертность делали жизнь отдельного ребенка, особенно если он не был первенцем, далеко не такой ценной, как сегодня. В крестьянской среде гос-подствовала установка: «Бог дал, бог взял».

Знатные люди пышно праздновали ро-ждение детей, но довольно спокойно пе-реживали их потерю. Монтень пишет: «Я сам потерял двоих-трех детей, правда в младенческом возрасте, если и не без некоторого сожаления, то, во всяком случае, без ропота». Такая кокетли-вая неопределенность относительно числа умерших детей ныне вызвала бы негодование. В XVI веке это было нор-мально.

Известный русский мемуарист XVIII века А. Т. Болотов писал по поводу смер-ти своего первого сына: «Оспа& похитила у нас сего первенца к великому огорче-нию его матери. Я и сам хотя и жертв-вовал ему несколькими каплями слез, од-нако перенес сей случай с нарочитым твердодушием: философия моя помогла мне много в том, а надежда& вскоре опять видеть у себя детей, ибо жена моя была опять беременна, помогла нам через короткое время и забыть сие несчастье, буде сие несчастьем назвать можно».

Эта странная для современного челове-ка холодность не столько проявление философского стоицизма, сколько психо-логическая защитная реакция на то, что случилось слишком часто. Фатализм и сми-рение были в этих условиях естественны. Характерно в этом смысле значительно более позднее рассуждение героя толстов-ской «Крейцеровой сонаты» Позднышева (на него обратил внимание А. Г. Вишнев-ский), который осуждает свою жену за ее переживания по поводу болезней и смерти детей: «Если бы она была совсем живот-ное, она так бы не мучалась; если же бы она была совсем человек, то у нее была бы вера в бога, и она бы говорила и ду-мала, как говорят верующие бабы: «Бог дал, бог и взял, от бога не уйдешь». Она бы думала, что жизнь и смерть как всех людей, так и ее детей, вне власти людей, а во власти только бога, и тогда бы она не мучалась тем, что в ее власти было предотвратить болезни и смерти де-тей, а она этого не сделала».

Дело не только в религиозном фана-тизме. Эмоциональный контакт и взаимо-понимание, без которых мы сегодня не мыслим родительских отношений, в прошлом были редкими. Прежде всего они были не совместимы с жесткими правилами этикета. Принцип почтения к старшим создавал между родителями и детьми социальную и психологическую ди-станцию, которую обе стороны не смели нарушить. Кое-где, например, у народов Кавказа, существовали даже нормы взаим-ного избегания. У абхазов мать не долж-на была первое время подходить к мла-денцу, а отец избегал показываться рядом с ребенком в течение многих лет. У ады-гов детей воспитывали не столько роди-тели, сколько другие члены большой семьи, особенно бабка и дед.

У многих народов было принято отда-вать детей на воспитание, выкармлива-ние в чужие семьи. Подобные очень древние обычаи существовали у многих кельтских,

германских, славянских, тюрк-ских и монгольских народов. Одна из форм - кавказское аталычество - первоначально была, очевидно, всеобщей. В Абхазии его отдельные случаи известны даже в конце XIX - начале XX века, когда у других народов Кавказа обычай сохранился только среди феодалов.

Слово «аталык» (от тюркского «ата» - отец) буквально означает «лицо, заменяющее отца, выступающее в роли отца». Вот как описывает этот обычай известный этнограф-кавказовед Я. С. Смирнова:

«Воспитание ребенка в семье аталыка в принципе не отличалось от воспитания в родительском доме. Разница была лишь в том, что, по обычаю, аталык должен был воспитывать ребенка еще более тщательно, чем собственных детей. Впоследствии обоим предстоял своего рода экзамен: воспитанник должен был публично показать все, чему его научили. Происходило это уже в родительском доме, куда у адыгов юноша обычно возвращался, по одним данным, с наступлением совершеннолетия, по другим - ко времени женитьбы. У части адыгских групп, у других народов, у которых аталычество было выражено слабее, в частности у осетин, ребенка могли вернуть значительно раньше.

За все эти годы ребенок виделся с родителями не более одного-двух раз. При этом родители, следуя обычаям избегания, при свидании никак не проявляли своих чувств и даже делали вид, будто не узнают сына. Тот, со своей стороны, зачастую даже не знал, кому его привезли показать. Поэтому воспитывавшийся у аталыка юноша возвращался в родительский дом как в чужую семью, и должны были пройти годы, прежде чем он привык к родне. Между братьями, которые всегда воспитывались у разных аталыков, сохранялась отчужденность. Напротив, с семьей аталыка у воспитанника устанавливалась близость, приравнивавшаяся адами к кровной, если не большей».

Ученые по-разному объясняют это явление. Одни ставят во главу угла педагогические мотивы: детей отсылали из дома, чтобы не разбаловать их. Другие связывают происхождение института воспитательства с первобытной общностью детей. Третьи подчеркивают, что, отдавая детей на воспитание в чужую семью, тем самым укрепляли внутриобщинные связи, в частности феодальную взаимозависимость. Четвертые выдвигают на первый план функцию ученичества, необходимость обучения детей занятиям, которыми трудно овладеть в рамках родительской семьи.

## Бить или не бить? историческая порка

Автор: admin

24.10.2010 05:02 - Обновлено 02.11.2014 11:14

---

По-видимому, речь идет о разных со-циальных институтах. В одних обществах в чужие семьи передавали всех детей, в других - преимущественно или только мальчиков. Вероятно, это было связано с более высоким социальным статусом мальчиков и необходимостью подготовки их к внесемейной деятельности. Разны-ми были и типы «кормильцев».

В феодальной Черкесии детей отдавали в семьи, стоявшие по сословному поло-жению ниже родителей ребенка, причем строго по рангу. В средневековой Евро-пе аристократические семьи, напротив, по-сылали своих отпрысков в вышестоящие королевские и княжеские дворы, где вы-полнение определенных социальных функ-ций - пажей, оруженосцев и т. п.- соче-талось с рыцарским обучением и образова-нием. Например, английский поэт Д. Чо-сер с 12 до 17 лет прослужил при дворе графини Ольстерской. Простые, незнатные семьи часто отдавали детей на правах воспитанников и домашних работников бо-лее состоятельным родственникам и сосе-дям. Многие дети воспитывались в мона-стырях, позже, с XII века, - в закрытых школах-интернатах, университетах и ре-месленных цехах. Строгих возрастных норм на сей счет ранее средневековье не знало: детей отдавали то в три, то в семь, то в девять-десять лет. Однако внесемейное воспитание было длительным и довольно массовым. По подсчетам Л. Стоуна, в Англии XVI-XVII веков вне родительских семей воспитывались приблизительно две трети мальчиков и три четверти девочек.

По-разному строились и взаимоотноше-ния между семьей «кормильца» и семьей родителей ребенка. Кавказское аталычество приравнивалось к кровному родству, причем отец ребенка, занимая более вы-сокое положение, автоматически стано-вился покровителем всей семьи аталыка. Западноевропейские формы «воспитательства» выглядят более отчужденными, функциональными; хотя они создавали оп-ределенную взаимозависимость семей, по-роднения при этом не происходило. Связь между ребенком и его молочными братья-ми была, скорее, индивидуальной, не рас-пространяясь на остальных членов семьи.

Варьировалось и положение воспитуемого. При передаче сверху вниз ребе-нок становился не только равноправным, но и привилегированным членом новой семьи - ему уделяли даже больше вни-мания, чем собственным детям, за него не-сли повышенную ответственность, видя в нем будущего покровителя всей семьи. При более или менее равном статусе воспитанник пользовался теми же права-ми, что и остальные дети. При ремеслен-ном ученичестве или воспитании за плату положение ребенка было зависимым, с ним часто обращались жестоко, а его труд экс-плуатировался.

## Бить или не бить? историческая порка

Автор: admin

24.10.2010 05:02 - Обновлено 02.11.2014 11:14

---

Как бы то ни было, ребенок, выра-ставший в чуждой семье, был психоло-гически ближе к ней, чем к собствен-ным родителям, а они, в свою очередь, не могли чувствовать к нему ту привя-занность, которая создается лишь годами повседневного контакта. Их взаимоотно-шения регулировались не столько инди-видуальными чувствами, сколько социаль-ными нормами, сознанием родственных обязанностей и правилами этикета.

Нормы старшинства неукоснительно со-блюдались и в самой патриархальной семье. Вот, например, как описывал взаи-моотношения детей и родителей в русской семье XVI-XVII веков известный русский историк Н. И. Костомаров: «Между роди-телями и детьми господствовал дух раб-ства, прикрытый ложною святостью пат-риархальных отношений& покорность де-тей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходи-ла в слепой деспотизм, без нравствен-ной силы. Чем благочестивее был роди-тель& тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже& Слова почи-тались недостаточными, как бы они убеди-тельны ни были& «Домострой» запреща-ет даже смеяться и играть с ребен-ком».

Согласно уложению 1649 года, дети не имели права жаловаться на родителей; убийство сына или дочери каралось всего лишь годичным тюремным заключением, тогда как детей, посягнувших на жизнь родителей, закон предписывал казнить «безо всякие пощады». Это неравенство было устранено только в 1716 году, при-чем Петр I собственноручно приписал к слову «дитя» добавление - «во младен-честве», ограждая тем самым жизнь но-ворожденных и ютдных детей.

Жестокими были и методы воспитания. Уже цитированный А. Т. Болотов расска-зывает, что на одном из уроков он по-лучил от учителя-немца 200 ударов роз-гой, но пожаловаться отцу не посмел. Даже в Петровскую эпоху, когда педагоги-ка «сокрушения ребер» стала подвергаться критике, строгость и суровость с детьми остаются непререкаемой нормой. По сло-вам В. Н. Татищева, младенец до две-надцати лет «упрям, не хочет никому по-виноваться, разве за страх наказания; свиреп, даже может за малейшую до-саду тягчайший вред лучшему благодетелю учинить; непостоянен, зане как дружба, так и злоба не долго в нем пребы-вают».

В конце XVIII века А. Н. Радищев красноречиво призывает к отказу от прин-ципа родительской власти и воздаяния за «подаренную» детям жизнь: «&изжените из мыслей ваших, что вы есте под властью моею. Вы мне ничем ^не обязаны. Не в рассудке, а меньше еще в законе хошу искати твердости союза нашего. Он оснуется на вашем сердце». Однако подоб-ные взгляды были в то время не прави-лом, а исключением.

Постепенно семейные нравы смягчались. Тем не менее Н. П. Огарев, родившийся в 1813 году, писал о своем отце: «Несмотря на мягкость, он был деспотом в семье; детская веселость смолкала при его появлении. Он нам говорил «ты», мы ему говорили «вы»& Внешняя покорность, внутренний бунт и утайка мысли, чувства, поступка - вот путь, по которому прошло детство, отрочество, даже юность. Отец мой любил меня искренне, и я его тоже; но он не простил бы мне слова искреннего, и я молчал и скрывался».

Об унылом «затворничестве» родительского дома, где «строптивая и ненужная заботливость о физическом здоровье» сочеталась «с полным равнодушием к нравственному» и мелочным надзором, от которого его освободила только ссылка, пишет и Герцен.

Следует подчеркнуть, что подобный стиль воспитания не был специфически русским явлением. Один немецкий учитель хвастался, что за годы своей педагогической деятельности ученики получили от него 911 500 палочных ударов, 124 000 розог, 137 тысяч шлепков и свыше миллиона ударов кулаком по уху. Жена Джона Мильтона жаловалась, что не могла спокойно слушать плач избиваемых им племянников.

Продолжение следует

источник <http://articleshome.ru/bit-ili-ne-bit-istoricheskaya-porka/>